

решительное “нет” старого генерала. Если человеку незачем жить, то умереть нетрудно. Перестав быть участником жизни, превратившись в действующее лицо трагедии, в эстетический объект, человек легко прекращает своё земное существование, чтобы окончательно сделаться персонажем новеллы или хотя бы темой для газетной заметки. Герои Куприна удивительно легко прощаются с жизнью: поручик из рассказа «Брегет» стреляется только лишь потому, что не смог по-человечески объяснить, как у него в кармане оказались точно такие же часы, которые только что пропали у знакомого офицера. Погибает циркачка с отчаянным криком “Allez!”, на дуэли убивают идеалиста Ромашова, гибнет конь Изумруд, в воде тонут приятели из рассказа «Мелюзга»... Что делать? Жизнь постоянно твердит своё монотонное “нет”, и поэтому её не жалко. Человек всего лишь участник, аргумент судьбы, и никому не дано выбраться из убогой симметрии: “Ночь, улица, фонарь, аптека...”

В этом осознании неизбежности кроется подлинная трагедия «Гранатового браслета». Надо застрелиться, чтобы вашу память почтили музыкальной пьесой, надо оставить свой экипаж за две улицы до Лютеранской, чтобы можно было прийти к покойнику, надо написать записку о якобы растраченных деньгах, чтобы никто не заподозрил, что за этим суицидом скрывается “величайшая тайна”. Жизнь уже приготовила карандаш, чтобы изобразить участников “трагедии” в карикатурно-уродливом виде.

Но за пределами жизни есть только смерть. А вот там точно никакой любви нет! Поэтому бессмысленно в поисках любви пятиться от жизни, бессмысленно искать её где-то, когда она здесь. Генерал Аносов прав в одном: нет идеальной любви. Но зато есть любовь настоящая. Нет, не та, которая пугливо прячется от обыденности (“Жёны, ревность, дети — ну их”), а та, которая превращает обыденность в поэзию. Когда умирают не для того, чтобы его память почтили скорбным вставанием, а чтобы другой жил вечно.

Несколько лет назад среди школьников проводился литературный конкурс. В большинстве рассказов звучал один и тот же мотив: они встретились, но родители были против, тогда, отчаявшись обрести счастье, они покончили жизнь самоубийством. Влюблённых похоронили в общей могиле, и теперь они стали навеки неразлучны. Смерть с торжественной печалью смыкает веки юным покойникам и, негодуя глянув на голосащую толпу, отходит в сторону. Конечно, в этой простодушной детской беллетристике не стоит искать воплощения неких жизненных программ, но и с прочерченной сюжетом мыслью о том, что истинная любовь обитает где-то за пределами жизни, согласиться нельзя. Потому-то новелла Александра Куприна, срифмовавшая слова “любовь” и “смерть”, вызывает внутренний протест не тем, что в ней рассказывается о том, чего не бывает, а тем, что в ней рассказывается о том, чего не должно быть.